

Александр Сеземин

**Запутанное дело
из прошлого**

Александр Сеземин

Запутанное дело из прошлого

<https://litres.ru/74602583>

SelfPub; 2026

Аннотация

Преступление раскрыто, банда ликвидирована, сокровища остались нетронутыми. Но так ли это на самом деле?

Несколько лет спустя Максимов, уже майор, встречает Фому, одного из членов банды. Но этого не может быть! Что же произошло на самом деле?

Содержание

Новое назначение Максимова	4
Командировка за тайной	12
Откровенный разговор	19
Пес, страж и учитель девочки	26
Поиски вечного деда Матвея	33
Находка в пещере	39
Девочка и вечный дед	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Александр Сеземин

Запутанное дело

из прошлого

Новое назначение Максимова

Максимов привыкал к новой должности заместителя начальника уголовного розыска областного УВД непросто, хотя времени на такое привыкание и не было. С первого дня надо было сразу работать в полную силу. Опыта руководящей деятельности у Максимова уже хватало.

Только должность начальника милиции промышленного города населением под сто тысяч теперь казалась проще. Главное преимущество - от начальства далеко. А еще - хорошо выстроенные отношения с городскими властями и другими органами.

В областном центре жить конечно было хорошо. Особенно возвращению радовалась Дарья Ивановна. Правда на прежнем месте она работала директором детского диспансера, а теперь пошла работать в районную поликлинику фтизиатром и не жалела об этом. Главное - муж пошел на повышение.

Кабинетик у Максимова теперь был маленьким, да и ме-

бель весьма старая. И начальников над ним резко прибавилось, и находились они в непосредственной близости, в пределах двух этажей здания УВД. Телефоны, их на столе было несколько, часть прямых, звонили часто. Прямые уходили в верхние эшелоны власти, а один к начальнику уголовного розыска управления полковнику Багину. Кабинет Багина был больше и находился напротив через приемную с общим секретарем. Давно отвык от такого Максимов, а еще его раздражала приставка "зам". К этому и приходилось привыкать.

Максимовы переехали в областной центр в феврале. Зима, а следом и весна пролетели быстро. Но лето не хотело подчиняться календарю и наступило только в конце июня. Да и то приходилось ходить в плащах, спасаясь от частых морозящих дождей. Погода на Урале никогда не баловала.

Квартиру Максимовы получили трехкомнатную в новой кирпичной брежневке недалеко от центра. Получилась так, что Дарья Ивановна ходила на работу мимо дома, в котором они недолго пробыли после переезда из Юзвы. Это была сталинка с большими полногабаритными квартирами. И хотя Максимовы жили в такой квартире с подселением, занимая две комнаты из трех, все равно было жалко старое жилье, тем более дом стоял в самом центре на основном проспекте города.

И вот, в один из пасмурных июньских дней, после первого утреннего стакана чая, который хорошо заваривала секретарь для начальника и зама, Максимов как всегда закурил

и начал просматривать сводку происшествий за прошедшие сутки. Следует отметить, Что Максимов к тому времени уже покончил с Казбеком и перешел на Плиску, болгарские сигареты с фильтром. Наверное эти сигареты понравились майору после отпуска в Сочи.

Так вот, Максимов привычно пробежал глазами по сводке и делал отметки, расписывая происшествия своим подчиненным. Одно событие привлекло внимание майора, он тут же по внутреннему набрал начальника отдела Гурина и вызвал к себе.

- Иван Сергеевич, смотри, Юзьва опять засветилась. - Максимов передал распечатку Гурину.

- Да, еще один магазин обчистили. - Констатировал Гурин.

- Четвертый за последнее время! - Максимов повысил голос. - И подвижек никаких!

- Как Строгий ушел на пенсию, так...

- Что Строгий! - Перебил Максимов. - Там что, толковых ребят в розыске нет?

- Есть, как нет. - Согласился Гурин.

- И Коля Елохин, знаю я его, ничего что молодой, хороший начальник, сам из розыска. Ну, что скажешь?

- С РАЙПО это как-то связано, не думаю, что так, на пустом месте...

- Онучин раньше РАЙПО заведовал. Он сейчас еще работает?

- Узнаю.

- Узнай, и отправь-ка туда в помощь, кто порасторопней.
- Решим.
- Вот и решай. Вечером доложишь.

Гурин ушел, а Максимов встал из-за стола и подошел к окну, опять закурил. Внизу спешили машины, люди, рабочая неделя была в самом разгаре. "Что за человек, - думал Максимов, - каша во рту стынет. И не сделаешь ведь с ним ничего." - Майор помнил о пожелании генерала - расшевелить уголовный розыск. Только не знал, как подступиться. Все упиралось в Багина.

День пролетел незаметно. Максимов даже не успел сходить в столовую. Шли опера и руководители из розыска, других управлений, обсуждали, советовались как поступить по делам. Несколько раз вызывал Багин, что-то утрясали, соглашались. В общем был день, как день, вполне обычный, даже рядовой.

- Петр Сергеевич, как у вас вопросы быстро решаются, - заметила секретарь.

- Так это хорошо. - Максимов хотел отшутиться. - Время не ждет.

- А у Вадима Николаевича надолго задерживаются. - Ответила Секретарь. И Максимов не понял, вроде как ему это было высказано в укор. Но на такие мелочи майор старался не обращать внимания.

Ближе к восьми вечера зазвонил городской телефон.

- Домой скоро? - Спросила Даша.

- К девяти буду. - Петр ответил жене сухо, не мог сразу переключиться на другое, семейное и нежное.

- Тогда мы ужинаем без тебя. - Ответила Даша и повесила трубку.

Минут через десять пришел Гурин и принес материалы по краже из магазина в Юзьве.

- Онучин работает? - Тут же спросил Максимов.

- Нет, на пенсии. В том году вышел.

- Ну да, в возрасте уже был мужик. А живет где?

- Не знаю. Зачем, раз не работает.

Максимов хотел как следует выругаться, но промолчал, все равно было бесполезно.

- Вместо него кто сейчас?

- Вот. - Гурин открыл папку и достал копию карточки из паспортного стола.

- Фомин Роман Степанович. - Прочитал Максимов. - Ладно, оставляй папку, посмотрю.

- Можно идти? - Спросил Гурин.

- Иди. - Разрешил Максимов, но тут же остановил подчиненного. - Подожди. Кого в Юзьву отправишь?

- Багин сказал никого не отправлять, своих дел хватает.

- А Багин... - Максимов не договорил о чем хотел сказать, лишь спросил. - Ты у него был?

- Был. - Без тени смущения ответил Гурин и выжидательно посмотрел на своего непосредственного начальника.

- Иди. - Максимов махнул рукой. Не хотел влезать в аппа-

ратные дразги.

Изучая материалы, принесенные Гуриным, Максимов понял, что в Юзьве за последние три месяца было уже четыре кражи из магазинов РАЙПО. И все кражи прошли без взломов, путем открытия замков входных дверей без видимых повреждений. И дальше в материалах расследования не отражалось, как это могло быть сделано.

В двух магазинах, вскрытых последними, после первых краж была установлена охранная сигнализация, однако она не сработала. В материалах причина отказа указана не была. Из показаний работников магазинов получалось, что каждый раз открытый замок обнаруживался только утром. Акты ревизий после краж были составлены как под копирку. Из них следовало, что пропажи касались продуктов питания и одежды для работы в тайге.

После изучения материалов осмотра мест происшествий и последующих проведенных расследований, у Максимова сложилось удручающее впечатление. Майор даже подумал, что напрасно заочно похвалил Елохина, нового начальника отдела в Юзьве. Для расследования краж, которые можно было назвать серийными, требовалось присутствие на месте как опытного следователя, так и оперативного работника. Чего на самом деле не было.

Складывая материалы в папку, Максимов еще раз, теперь более внимательно, изучил карточку из паспортного стола на Фомина. Чем-то эта карточка притягивала майора, только

чем, он понять пока не мог. Пытался разглядеть фото Фомина, но на ксерокопии сделать это было трудно.

Максимов выключил верхний свет, оставил лишь настольную лампу и начал рассматривать изображение под разными углами. И вот в чертах лица Фомина мелькнуло что-то знакомое. Майор поймал уверенный и наглый взгляд. Как будто человек с фотографии рассматривал его и даже говорил: "Не дергайся, не поймаешь меня."

Вдруг Максимов узнал человека на фотографии! Это было настолько неожиданно и даже невероятно, что майор произнес в слух, - Фома!

Максимов встал из-за стола, ему хотелось с кем-то поделиться этим открытием, он даже вышел в коридор. Только в управлении уже никого не было. Майор сложил бумаги в сейф, опечатал, закрыл свой кабинет, приемную и пошел по коридору к лестнице.

- Ну что, Петр Сергеевич, не отдыхаете? - По лестнице с четвертого этажа спускался генерал.

- Здравия желаю, товарищ генерал! - Бодро отрапортовал Максимов.

- Как успехи? - Генерал остановился на площадке и пожал руку Максиму.

- Похвастать особо нечем... - Ответил Максимов и потупился.

- О чем задумался? - Генерал задавал вопросы один за другим.

- Разрешите доложить?! - Максимов поднял голову, его глаза блеснули. Он тоже нарушал субординацию, но решился на этот отчаянный шаг.

- Что ж, пойдем ко мне, доложишь. - Генерал развернулся и пошел по лестнице вверх.

- Только материалы захвачу. - Максимов уже хотел бежать к себе.

Не надо. - Остановил его генерал. - Так расскажешь.

Командировка за тайной

В областном центре, где служил Максимов, было два аэропорта. Первый обслуживал дальние рейсы больших самолетов, а второй, у которого и здание было деревянным, предназначался для местной авиации. Здесь базировались вертолеты различных ведомств и самолеты АН-2 Аэрофлота.

Область была большая, в распутицу добраться до отдаленных районов становилось проблематично, и "кукурузники" надежно связывали все крупные города области. Правда летали они не придерживаясь строгого расписания, так как всецело зависели от погоды, но были надежными, взлетали и садились на грунтовые полосы. Название "кукурузник" прижилось к самолетам АН-2 потому, что их еще использовали в сельском хозяйстве для опыления полей.

Вот на таком "кукурузнике" и полетел Максимов в свою первую командировку в область, начав работать заместителем начальника уголовного розыска УВД. Жена, Дарья Ивановна, и сын Миша остались одни. Вообще, жены сотрудников органов внутренних дел, именно в качестве жен, всегда были на особом положении, и привыкали к поздним возвращением мужей с работы, а еще и к неожиданным командировкам.

После разговора с начальником управления Максимов пришел домой поздно. Сын уже спал, а Дарья Ивановна не

ложились, сидела у телевизора. После программы Время всегда можно было посмотреть какой-нибудь фильм.

- Ты что так поздно сегодня? - Спросила Даша.

- У генерала был. - Ответил Максимов, повесив форму на вешалку в шифоньер и переодевшись в домашнее.

- Сейчас ужин разогрею. - Даша прошла на кухню, а Петр - в ванную, чтобы умыться после тяжелого дня.

На сковородке зашипела картошка со свиными шкварками, когда она разогрелась, Даша поставила ее перед Петром и нарезала черного хлеба.

- Что-то срочное? - Спросила жена. - Ты такой возбужденный.

- В командировку завтра улетаю. - Ответил Петр.

- Далеко?

- Нет, в Юзьеву.

- Случилось что?

- Вот и еду, чтобы не случилось... по старым делам.

- Раз тебя посылают, значит важное?

- Золото покоя некоторым не дает. - Петр посмотрел на жену. - Помнишь?

- Как не помнить. Столько я тогда пережила... Опять все с начала?

- Продолжается история... Фома объявился, и карта у него есть, знает, как до пещеры добраться.

- Опасно! - Даша испугалась не на шутку.

- Ничего, справимся.

- Мне бы с тобой поехать...
- Ну что ты... не надо, не переживай.
- Надолго?
- Как получится.
- Ты хоть звони, не забывай нас.
- Конечно. Там теперь связь лучше стала.
- Что тебе с собой собрать?
- Как всегда, мой чемоданчик... - Петр замялся и добавил.
- Я в гражданском еду.

Был у Максимова маленький картонный чемоданчик с двумя замочками, с ним он и отправлялся в командировки. А если говорил, что едет в гражданском, значит там, куда он ехал, не должны были в нем узнать сотрудника милиции.

Утром Максимов встал рано, Даша накормила его, а чемоданчик уже стоял собранным в коридоре. Миша тоже встал, ему было пора в школу, и проводил отца, по мужски пожав руку. Надо сказать, что парень был очень горд за своего родителя и во многом старался подражать ему.

У дома ждала машина и отвезла Максимова в аэропорт. Конечно это был не аэропорт, а так - небольшое деревянное строение с антеннами, в котором размещались аэродромные службы. Самолет на Буртымкар должен был вылететь в девять утра, как рассветает. Но день уже начался, а команды на посадку все еще не было, не позволяли метеоусловия.

Наконец все срослось, дали команду, и АН-2 набился полностью. Обе скамейки вдоль бортов оказались занятыми пас-

сажирами. Малая авиация в те годы пользовалась спросом и была востребована. Да, перед взлетом раздали пакеты темно серого цвета из плотной бумаги. Мало ли - кому-то станет плохо. Тем более люди сидели боком на жесткой скамейке.

Пилот завел двигатель, махнул рукой в открытое окно кабины работнику аэропорта, тот тоже дал отмашку, и самолет выкатился на взлетную полосу. В областном центре она была асфальтированной. Разбег был коротким, пару раз трянуло на неровностях и самолет, подпрыгнув, как бы раздумывая взлетать или нет, оторвался от земли и начал плавно набирать высоту.

"А вы не бойтесь, полетим тихенько, тихенько, низенько, низенько," - Максимов вдруг улыбнулся, вспомнив расхожий анекдот и закрыл глаза, хотелось еще подремать. Правда справа его поджала толстая тетка с выпученными глазами, на всякий случай держащая пакет у лица.

Слева же сидел человек в возрасте, в очках, с бородкой клинышком, опиравшийся руками на палку. "Учитель наверное," - подумал Максимов и все боялся его толкнуть, сдерживая натиск соседки справа.

Из головы все никак не шел вчерашний разговор с генералом. Конечно Максимов рассказал ему все как есть - про пещеру с древним золотым кладом, про банду, убийство связанного, конечно про Фомичева - Фому, с которым случайно встретился в поезде и про карту на обрывке ткани. Было непонятно, как этот вещдок оказался у бандита, тем более,

что Фомин теперь работал в РайПО.

Генерал очень озаботился всем услышанным, приказал Максиму по возможности докладывать чаще и дал свой прямой телефон в кабинете, а также домашний.

- Не рискуй! - Напутствовал генерал Максимова, хотя плохо верил в то, что майор послушается.

- Постараюсь. - Ответил Максимов и скромно улыбнулся.

- Твоя задача выяснить, что там происходит. Понял?!

- Понял, товарищ генерал. Разрешите идти?

- Стой. Ты же там службу начинал?

- Да, - ответил Максимов. - Участковым.

- Значит знаешь, кому можно доверять?

- Есть люди.

- Ну, тут тебя учить нечему... Но если что, сразу группу вышлю. Да, как прилетишь в Юзьеву поедешь?

- Думаю, надо сначала в Буртымкаре посмотреть, что в РайПО делается.

- Правильно, не торопись и не светись там особо.

- Все равно не сразу, но узнают.

- Несколько дней у тебя есть.

- А как мне быть с командировкой, с Багиным? - Спросил Максимов.

- В соседнюю область срочно тебя отправил. Понял?

- Понял. А Гурин? Я же ему давал задание в Юзьеву человека послать, а Багин мое указание отменил. - Тут Максимов не выдержал, пожаловался генералу.

- Ну видишь, как все хорошо получилось... Ладно, удачи тебе. Как там - знал бы прикуп...

- Жил бы в Сочи. - Продолжил Максимов.

- В карты поиграть не тянет? - Пошутил генерал.

Максимов только улыбнулся. Генерал крепко пожал руку майору. На том и попрощались.

А самолет на самом деле летел низко, под сплошной и плотной облачностью. Что-то в этом было не так, но главное летели. Максимов повернулся боком и посмотрел в круглое окно, на что недовольно отреагировала соседка справа, однако ужалась.

Леса перемежались полями, речушки синели, пересекая зеленые цветистые луга. Иногда проплывали деревни, и дым из труб поднимался вверх к безветренному небу. Казалось, что и в салон самолета проникал приятный запах березовых дров, и ощущался вкус свежееиспечённого хлеба. "Моя бескрайняя Родина, мой дом!" - Подумал Максимов.

Показался Буртымкар. Самолет начал снижаться. Женщина справа опять достала свой пакетик. Посадка была жесткой, самолет несколько раз подпрыгнул на грунтовом покрытии, повилял хвостом и остановился недалеко от будки с антенной. "Все, прилетели." - Подумал Максимов, достал из под сиденья свой маленький чемоданчик и первым из пассажиров прыгнул вниз, не спускаясь по приставленной металлической лестнице.

Майора никто не встречал, так и было задумано. Он не

стал садиться в автобус, который мог довезти до центра города, а пошел пешком по улице между деревянными частными домами и скоро затерялся в узких переулках.

Откровенный разговор

Сирко выл две ночи подряд, выл не на луну, на темное небо, закрытое стеганым одеялом облаков. И Сирий, оставшийся дома один, тоже не спал, выходил, садился на крылечко, закуривал и смотрел в темноту, где шумел недобрый осенний лес. Пес не подходил к хозяину, не любил табачного дыма и сидел у калитки. Иногда он замолкал и прислушивался к шуму леса, но, не дождавшись ответа, опять продолжал выть.

"Не ладное что-то творится с псом, - думал Сирий, - не дурные ли вести? - Холодная дрожь пробежала по спине, Желваки на скулах ходили ходуном. - Не с Настой ли что?" Тревожная мысль не давала покоя, Сирий отгонял ее, успокаивался, хватало ненадолго.

На исходе второй ночи, как Сирко завыл, с рассветом в дверь постучали. Сирий, заснувший уже под утро, проснулся и выглянул в окно. У крыльца спокойно сидел Сирко и смотрел на темную фигуру, стоящую на крыльце. Этот человек и постучал в дверь.

Сирий вышел еще в полутемные сени, откинул крючок и открыл дверь. На крыльце стоял странник в длинном балахоне, подпоясанным веревкой, с котомкой за спиной. Голову скрывал капюшон балахона, лицо оставалось в тени, только белая борода, казалось искрилась в утреннем еще слабом

свете.

- Матвей?! - По какому-то наитию спросил Сирий.

- Митрофан. - Человек откинул капюшон и улыбнулся знакомой улыбкой.

- Ты?! - Сирий пожалуй удивился еще больше.

- Я, Сережа, я. - Ответил дед.

- Заходи! - Удивление у Сирого сменилось радостью. - Ты как в наших краях?

- Навестить решил. Не против?

- Что ты! Сейчас чай поставлю.

- Вот и хорошо. А я пока умоюсь.

- Вода в умывальнике. - крикнул Сирий, разжигая плиту.

- Я лучше из бочки, дождевой. - Митрофан снял котомку, серый балахон повесил на гвоздь у входа и остался в длинной рубаше, штанах и запыленных сапогах.

У бочки с дождевой водой, набравшейся с крыши, дед умывался долго, пофыркивая от удовольствия. Зашел в дом босой, оставляя за собой мокрые следы, и остановился, наблюдая за хозяином, накрывающим на стол.

- А ты и вправду стал на деда Матвея похож. - Заметил Сирий.

- Не торопись. - Дед улыбнулся в ответ и спросил. - Твое-то где?

- Наста на сносях, в район заранее отвез, Олка и Ваня там же в школе, да и за матерью присматривают.

- А ты стало быть на хозяйстве?

- Куда же денешься, одной скотины сколько. Ферму хочу открывать.

- Молодец, хорошо развернулся. - Похвалил дед.

- Ты-то как здесь? Неужели из Ражино пешком?

- Ушел я оттуда. Одно время на хуторе у Варьки жил. Помнишь, как в яме сидели?

- Как не помнить? Хорошо, что живыми остались.

- И то верно.

- Вот, угощайся, - Сырый выставил на стол творог, сметану, масло, свой хлеб, нарезал домашней колбасы. - Чайник скоро закипит.

Дед Митрофан скромно отломил кусок хлеба и начал медленно жевать.

- Ты что, не голодный?

- Мало в последнее время ем.

- И впрямь, как вечный дед... У нас поживи.

- Остановлюсь, если не прогонишь.

- Живи сколько хочешь.

- Ненадолго я.

- Куда же дальше?

- Сон мне был... - Начал Митрофан и замолчал, как бы раздумывая, продолжать или нет. Все же продолжил. - Матвей приснился.

- Вечный дед? - Переспросил Сырый. - Ты вроде его никогда и не встречал.

- Чтобы человека во сне узнать, при жизни бывает и встре-

чатся не надо. - Митрофан пытливо посмотрел на Сирого.

- Верно говоришь... Так что? Что сказал Матвей?

- Ничего.

- Молчал?

- Рубаха у него порвалась, подол пришивал.

- И все? Ради сна и с места сорвался?

- Все... Вот и пришел к тебе посоветоваться.

- Не знаю, что и сказать.

- Может Максимова разыскать, спросить? - Митрофан продолжал рассуждать.

- Максимова... - задумался Сирый. - В Юзьве его давно нет, в областную уголовку перевели... Поеду Насту провести, зайду в милицию, спрошу. Может подскажут, как его разыскать.

- Так-то оно так, а вдруг Матвей важный знак подал?

- А что у него с рубахой было? Порвалась?

- Да нет, целая. - Митрофан начал вспоминать. - Только с левой стороны вроде как подол короче оказался.

- Целый лоскут пришивал? - Сирый насторожился.

- Ну да, и рубаха у него белая, а лоскут то ли темнее, то ли грязный.

- Выносился что ли?

- Вроде того. Да, и полосы на нем какие-то.

- Рисунок что ли? - Сирый продолжал расспрашивать деда, похоже какая-то догадка пришла ему в голову.

- Не знаю. - Митрофан усмехнулся, сон все же.

- Карта... - Сирый хотел что-то сказать, но замолчал.

- Что за карта? - Спросил Митрофан.

- Ты этой истории не знаешь... - Сирый явно не хотел рассказывать о карте на лоскуте ткани, где был обозначен путь к пещере с золотом. Когда-то каторжанин дал слово Максиму держать в тайне историю старого клада.

- Что это у тебя собака завывала? - Спросил дед. - Не голодный?

- Нет, что ему голодным быть.

- Это тот пес, которого ты с болота привел?

- Он... А почему он на тебя не лаял, и пропустил?

- У меня спрашиваешь?

- На своих он не лает.

- Так, стало быть, я свой!

- Свой, свой... - Сирый только ухмыльнулся.

- Пока дед Матвей лоскут пришивал, пес рядом с ним сидел. - Вспомнил Митрофан.

- Выходит Матвей тебя ко мне прислал? - Сирый все еще сомневался.

- Выходит так.

- Ну слушай, и знай, никаких увещаний, тем более предупреждений в таких делах не бывает.

- А ты все во мне сомневаешься?

- Да что-ты! Слово дал! Век... - Сирый замолчал, а потом рассказал Митрофану всю историю про карту и каторжан, пещеру, пропавших Настиных мужей и золото.

- Выходит той пещеры и нет уже? - Спросил Митрофан.

- Обрушилось тогда все. Но если по карте до места дойти, то думаю, что и раскопать можно будет... Найдутся люди... Карту надо вернуть.

- Карту и перерисовать можно. - Заметил Митрофан и добавил. - Золото надо уничтожить!

- Когда это люди золото уничтожали?! - Усмехнулся Сирый.

- Неспроста Матвей мне показался...

- Думаешь?

- Знаю. Придут за этим золотом... Беду оно несет!

- Максимов тоже так считает... Делать-то что?

- Сходить туда для начала надо.

- Один дойдешь? Я не могу.

- Понимаю... Дойду.

- Тогда смотри. - Сирый достал тетрадку, начал рисовать и объяснять, как добраться до пещеры. Убедившись, что Митрофан понял, каторжанин смял листок и бросил в печку. - Когда пойдешь?

- Завтра и уйду.

- Сирко с собой возьми.

- Он у тебя пес самостоятельный.

- Ну, как знаешь. Ружье возьми.

- Нет. С ружьем там делать нечего. - Митрофан хитро прищурился. Больше на эту тему не говорили.

На следующее утро дед Митрофан ушел. Сирко больше

не выл. А Дед так и не вернулся.

Сирий просидел неделю дома, его конечно подмывало сходить к пещере, поискать Митрофана. Каторжанин чувствовал - в приходе деда осталось много непонятного, недосказанного. "Может дед и сон мне рассказал не весь? - Думал Сирий. - И Митрофан ли ко мне приходил?" Предполагать можно было разное, оставалось надеяться на лучшее.

А дальше пора было ехать в Юзьву, у Насты подходил срок, и Сирому стало не до деда Митрофана. Для маленькой девочки Маши, которая только должна была еще родиться, нужно было сделать кроватку, и много еще чего.

Насту с Машей встречали у больницы всей семьей. Счастливый отец взял в руки дочурку, прижал к себе и поцеловал. Девочка не по-детски улыбнулась глазами ясного летнего неба. Ваня и Олка обрадовались сестренке. Было неважно, что у всех детей разные отцы. Мама была одна, и семья одна - большая и дружная.

Сирко нетерпеливо засучил лапами при виде малютки, потянул носом воздух и заскулил от радости. Сирий поднес малютку к псу, и тот осторожно ткнулся холодным и мокрым носом в розовую щечку Маши. Сирко помнил про наказ деда Матвея, прозвучавший еще до рождения Маши. А про неожиданный приход Митрофана рассказать не мог, не умел говорить на человеческом языке.

Пес, страж и учитель девочки

В сельской местности дети растут быстрее, так кажется - забот с ними меньше. А Маше, родившейся осенью у Сирого и Насты, вообще повезло, конечно и ее родителям. С самого рождения к девочке был приставлен верный страж - пес Сирко. История этой собаки вообще удивительная, и описана в первой части повествования.

Маша с рождения была странноватым ребенком. Она никогда не плакала, по крайней мере ее родители об этом не помнили. Лежала в своей маленькой кроватке, не обращала внимания на развешанные над ней погремушки и прислушивалась к разговорам родителей, как будто уже понимала, о чем они говорят.

- Наста, смотри, как Машка за нами глазами следит. - Первым на это обратил внимания Сирий.

- Ну, а что ей еще делать? - Невозмутимо ответила жена, раскатывающая тесто для пирога. - Смотрит и смотрит.

- Нет, не просто смотрит, - возразил Сирий, - слушает... Маша, ты меня слышишь? - Сирий спросил дочку из-за стола, где подшивал валенки. - Вот, вот, голову повернула.

Наста не стала спорить с мужем и только улыбнулась. Хорошо в доме, когда все хорошо.

Кроватку Маши сначала поставили в спальне рядом с родительской кроватью. Наста думала, что придется вставать

ночью. Но через месяц дочурку уже отселили в отдельную маленькую комнатенку с окном, выходящим на огород. Кроватку поставили вплотную к печке, где было потеплее. Наста объяснила переселение дочери еще и тем, что муж временами громко храпел, и мешал Маше спать. Пусть так.

Сирко тоже сразу почувствовал такое перемещение и вырыл себе новую нору за домом под окном у Маши. Страж был на месте и не дремал, готовый броситься в бой. Теперь и Наста обратила внимание на особенность дочурки. Только она уже выражалась в другом, Маша росла и быстро менялась.

- Сереж, она ведь говорит, смотри! - Наста осторожно подошла к кроватке и заглянула сверху.

- Слушает? - Переспросил Сирый.

- Конечно слушает и отвечает.

- Кому? - Сирый осторожно заглянул через плечо жены и замер.

Маша повернула голову в сторону окна, ее глаза были открыты, и если так можно было сказать - полны внимания. И еще - губы девочки шевелились. Сирый вышел в смежную комнату и выглянул на улицу. Под Машиным окном сидел Сирко и внимательно смотрел в сторону дома. Уши пса стояли торчком, он в нетерпении перебирал лапами и облизывался, похоже даже поскуливал. Только из дома не было слышно.

Ходить Машу тоже научил Сирко. Это значимое собы-

тие произошло следующей осенью, когда девочке исполнился уже год. Вся семья была в сборе. Иван и Олка, старшие дети, еще не уехали в школу. Спешили закончить все дела на участке и в коровнике перед началом зимы. Зима на Урале может начаться неожиданно, не по календарю, поэтому к концу сентября в деревне все должно быть готово к будущим холодам.

В тот день закончили копать картошку. Она была рассыпана на ровном месте и оставлена подсохнуть перед засыпкой в яму. Маша тоже была участницей всех событий, говорила уже много слов, правда ходить еще не умела и стояла у скамейки перед домой, держась за нее руками. Конечно Сирко сидел рядом. Сначала никто и не заметил, что произошло.

Видимо Маша одной рукой отпустила скамейку и тут же вцепилась цепкими пальчиками в густую шерсть пса. Затем и второй рукой проделала то же самое. Сирко осторожно переступил вперед, и Маша сделала робкий шаг за ним, потом второй, третий. Так собака и девочка оказались в центре двора. Тогда это заметили и остальные. Но не спешили мешать, наблюдали за тем, что будет.

И вдруг Сирко резко встряхнулся, так, что пальчики девочки отцепились. Тут же хитрый пес сделал шаг в сторону. Маша, теряя равновесие, шагнула за собакой и только хотела опять вцепиться в шерсть, как Сирко еще отступил на шаг. Так и пошло! Пес довел девочку до калитки со двора и только тут позволил опереться на себя. А потом повторилось

то же самое, только теперь Маша догоняла собаку в обратном направлении в сторону крыльца. На этом и закончилось обучение. Вся семья наблюдала за цирковым представлением затаив дыхание.

Через несколько дней Маша уже играла во дворе с Сирко в догонялки.

В Маше было мало девичьего. Быть может природа допустила ошибку, а может сделала это специально. Дочь не отходила от отца и старалась перенять у него все то, что было связано с лесной жизнью, не интересуясь ведением домашнего хозяйства. Любимой ее игрушкой стали лук и стрелы, которые сделал для нее отец. Нож из ее рук летел в цель и все реже падал на землю, втыкаясь в деревянную мишень. Маша не играла в индейцев, она училась жить в лесу, причем в одиночестве.

Отец не хотел, но дочь упросила сделать ей маленькое седло для Сирко. До настоящей лошади она еще не доросла, а пони в деревне не было. Надо сказать, что Сирко воспринял самодельную сбрую без возражений, и теперь Маша путешествовала не только в пределах деревни, но начала одна обследовать окрестности. Конечно не одна, верный и грозный страж всегда был рядом.

- Пап, а ты почему на охоту не ходишь? - Как-то Маша спросила отца. - Ружье у тебя есть.

- Все некогда. Вон какое у нас теперь хозяйство. Мясо всегда есть. Так что промыслом нечего заниматься.

- А просто, без охоты?

- Было время, я все окрестности, и не только окрестности обошел. - Отец размечтался. - Эх, где только я не был! Наста!

- Сирий окликнул жену.

- Чего? - Отозвалась Наста, как всегда чем-то занятая, но слышавшая разговор мужа и дочери.

- Отпустишь нас с Машкой? Все работы закончены.

- И куда же вы хотите, и надолго? - Наста конечно знала об увлечении дочери, уже не пыталась приучить ее к домашнему хозяйству, понимала - бесполезно. Стоит отметить, что Маша, еще ребенок, уже помогала матери. Но делала все от и до. Попросили - сделала. Нет - значит не надо.

- Да хотя бы до Дюлино сходим. Там и переночевать есть где. - размечтался Сирий.

- Ага! А там и до источника Вечного деда недалеко. Так? - Сказала и тут же пожалела Наста.

- Что за вечный дед? Какой источник? - Затараторила Маша.

- Идите, куда хотите. - Наста махнула рукой и пошла в хлев задать корм.

- Видишь как. - Сирий скривил губы, покачал головой, мол как уйдешь, и добавил, - А у нас и заимка в лесу есть. Только сколько лет в ней не были. Давай-ка мы с тобой пока карту посмотрим.

Машу не надо было долго уговаривать. Она тут же сбегала к этажерке, в которой лежали альбомы с фотографиями,

немного книг и затертая на сгибах до дыр карта, неизвестно как оказавшаяся в доме. Карту разложили на столе, аккуратно, чтобы не порвать, и Сирый с карандашом в руках начал в который раз рассказывать дочери о своих похождениях.

- Пап, а кто такой Вечный дед? - Спросила Маша.

- Дед? Как тебе объяснить? Не знаю, жил не так и далеко от нас.

- На ручье?

- Да.

- А ты бывал у него?

- Только мимо проходил.

- Покажи, где его ручей?

- Вот. - Сирый поставил на карте простым карандашом точку. Маша тут же обвела ее красным кружочком, что бы не потерять.

- А заимка наша где?

- Вот. - Еще одна точка появилась на карте, тут же обведенная красным.

Рука Сирого вдруг задрожала и вроде как сама потянулась к поляне со сломанной елкой, где проходила невидимая граница между обычным миром и другим, в котором было спрятано золото, где он и Максимов были всего несколько лет назад!

- Что замолчали? - Оказывается Наста тихо зашла и стояла сзади, прислушиваясь к разговору мужа и дочери. - Собирайтесь, что же с вами подделаешь. Идите, пока еще снега

нет и морозов.

Маша соскочила с табуретки и подбежала к матери. Наста подхватила дочь, и та обняла ее за шею на удивление крепкими руками.

Поиски вечного деда Матвея

Сирый решил в первое путешествие с дочкой Машей поехать верхом на лошади. Была у него замечательная кобыла белой масти по кличке Лило. Почему Лило? По этому поводу можно было бы написать целый рассказ. А если коротко, то Сирый, в своих похождениях по тайге, знал удивительные места, где даже негромко сказанные слова, тут же подхватывались то ли ветром, то ли еще каким природным явлением и разносились по округе, множась и долго не угасая.

- Ли-и-и! - Как-то восторженно крикнул Сирый, очарованный удивительным видом гор, вдруг открывшимся за неожиданно расступившейся тайгой. И понеслось в ответ, чуть ли не со всех сторон, - ло - ло - ло, - медленно затихая. И запомнился собственный крик, и ответное эхо. А когда Зорька ожеребилась кобылкой белой масти, Сирый тоже удивился и произнес - Ли! - И сам же добавил, - ло. Так и появилась на свет Лило.

Маша была еще маленькой девочкой лет пяти, поэтому Сирый переделал седло, удлинив его так, чтобы дочь можно было посадить перед собой. Первый переход до источника вечного деда Матвея предстоял не близкий. Наста хлопотала больше всех, собирая в дорогу путешественникам и еду, и постель с одеждой.

- Да зачем ты столько всего? - Сетовал Сирый. - В тайгу

едем, осень, самая охота, не пропадем.

- А свое все надежнее, не дам ребенку голодать. Остановитесь и перекусите.

- Делай как хочешь, - Сырый махнул рукой, - лишь бы Лило увезла.

- Ничего, сначала пешим пойдешь. Машунька поедет, и тюкам места хватит.

- Ну, тогда раньше чем через неделю обратно не жди.

- Тише едете, целее будете. - Наста по своему переиначила поговорку, обняла, поцеловала дочь и посадила в седло. Маша лишь улыбалась в ответ. Ей не терпелось отправиться в поход.

Выехали затемно. Осенние дни были коротки. Хорошо, что осень стояла сухая, не было хляби, и сверху не мочило. Гравийка до Дюлино, первой по пути деревни, давно заросла, но для всадника оставалась проезжей. Правда мордохлыст, так Сырый называл молодую поросль с длинными и гибкими ветвями, не позволял ему идти свободно - чуть зазеваешься, особенно в темноте, и тут же получишь болезненный удар по лицу веткой.

Лило идти было проще, а Маша вообще смотрела на открывающийся перед ней мир с высоты седла. Сирко бежал впереди по-своему, ныряя под низкие ветки, останавливался, прислушивался и втягивал носом сырой лесной воздух, различая сотни оттенков.

Светало долго. Сначала чернила ночи стали фиолетовы-

ми, потом в них добавилось синевы, и уже можно было различить лес, деревья, проплывающие мимо. Ели притихли, казалось, что они не чувствуют наступления скорой зимы, не менялись внешне. А лиственные деревья реагировали по-разному. Можно было увидеть и зеленую листву, и пожелтевшую, уже облетающую. Дорога была покрыта своеобразным ковром, мягким, даже пружинящим.

Останавливались, отдыхали, перекусывали. Маша часть дороги шла пешком, даже убегала вместе с Сирко вперед. Сирый не беспокоился, не боялся за дочь. Верный страж был рядом с девочкой. К вечеру перед путешественниками открылось Дюлино во всей своей неприглядности. Что может быть хорошего в давно вымершей и заброшенной деревне.

Дома с зияющими черными провалами окон молча встречали и провожали путников. Настораживал скрип двери или оконной рамы, качающейся на ветру. Сирко останавливался, глухо рычал и шел дальше, не забегая вперед. Лило тревожно прядала ушами и храпела по своему, по лошадиному.

- Ну что дочь, будем здесь ночевать? - Спросил Сирый, остановившись у дома, за которым виднелась сохранившаяся баня. По крайней мере у ней была целая крыша и труба. - Максимов рассказывал, он в этой бане ночевал.

- Максимов? - Переспросила Маша.

- Да, участковым нашим был. Вместе по тайге ходили.

- Не хорошо тут, мертвечиной тянет. Смотри на Лило, и Сирко взъерошился.

- Дальше только в лесу ночевать.
- Давай в лесу! - Маша обрадовалась.
- Не замерзнешь?
- Нет. Костер разведем.
- Хорошо, - Согласился Сирый, - что-то и мне здесь не нравится. Соорудим шалаш, пока не стемнело.

Дюлино провожало путешественников мрачным взглядом, одним, взглядом целой деревни. И была в этом взгляде непонятная недосказанность и двоякость - тоска по прежним жителям, по проходящим мимо людям, и злость, вдруг выглянувшая наружу.

Путешественники вышли за околицу деревни и углубились в лес. Дальше дороги не было. Дюлино было последним местом, где не так и давно жили люди. Сирый, опытный бродяга, шалаш соорудил быстро. Нашел высокую, разлапистую ель, с одной стороны подрубил нижние ветки, жердями подпер верхние и укрыл жерди лапником, оставив небольшой вход.

Костер разводили вместе с Машей, девочка училась все делать сама. В котелке вскипятили и заварили чай. А в припасенной с собой сковородке разогрели гречневую кашу с мясом. Как ни много вещей дала с собой Наста, а все было нужно. Лило сама нашла, что ей можно было пощипать, травы хватало, так и задремала, стоя у шалаша. А Сирко пристроился с другой стороны костра, наблюдал через огонь за хозяевами, иногда чихал от дыма, но не уходил. Каши пере-

пало и ему.

В шалаш Сирый подстелил еще лапника, по нему раскатал толстую подстилку, и укрыться чем нашлось, опять же благодаря предусмотрительной Насте. Дым в шалаш не попадал, уснули быстро. Тем более стражи были на месте. Ночь прошла тихо и спокойно.

Весь следующий день добирались до убежища, в котором жил дед Матвей. Сирый теперь тоже ехал верхом, усадив дочь перед собой. Он лишь раз проходил мимо пещеры Матвея, но так и не зашел к деду, нельзя было отстать от бандитов, пробирающихся к пещере с золотом. На обратном пути раненого Сирого тащил на себе участковый Максимов, выбирая путь покороче. К Матвею они тоже не заглянули.

Сирый знал, где находится лог, по которому протекал ручей, и жил в пещере дед. Только не знал, где можно спуститься к этой пещере, края лога были скалистыми и обрывистыми. Поэтому проплутали долго и нашли спуск уже вечером. Это был не тот спуск, по которому к ручью когда-то пробрался Максимов, а другой. Путешественники подошли к пещере не снизу от ручья, а сверху, где и хотели заночевать.

Дед Матвей в пещере не жил уже несколько лет, так определил Сирый по запустению места. И Маша по своему поняла, что место опустело, хотя и хранило теплоту, только уже не человеческую. Сирый полез в пещеру первым и сказал дочери, чтобы она ждала его снаружи. Маше конечно не терпелось проползти за отцом. Но Сирко вдруг проявил твердость

и лег поперек входа, даже зарывав, что было не похоже на него.

Находка в пещере

Сирий первый раз оказался в пещере, где раньше жил вечный дед Матвей. Максимов тоже не рассказывал, что при встрече с Матвеем удалось побывать в его подземном обиталище.

Вглубь каменного отрога вел узкий лаз, начинавшийся между корней сосны, приходилось буквально вкручиваться в него. Хорошо еще, что было сухо, по наклонному к выходу проходу не стекала вода. Постепенно лаз расширился, и стало возможным протянуть вперед руку с включенным фонариком.

Стены пещеры отличались цветом от серого горного края, были чуть ли не белоснежными и гладкими. Лаз закончился небольшим гротом. Здесь был сложен очаг. Свод грота закоптился, дым от очага уходил в дыру, видимо заканчивающуюся снаружи. У стены грота были сколочены нары, и подобие стола. Осталась закопченная посуда. Только от деда Матвея и следа не осталось. Сирий боялся, что в пещере могли быть его останки.

- Маш, залезай сюда, здесь будем ночевать. - Сирий позвал дочку.

Маша конечно обрадовалась, а пес, стороживший вход, послушно пропустил девочку в пещеру. Ребенку было проще пролезть внутрь, и Маша мигом оказалась в гроте, встав

в полный рост. Ей, в отличие от отца, высоты хватало.

- Ой, как тут здорово! - Маша обошла грот, трогая гладкие стены руками, и спросила. - Матвей здесь жил?

- Да, говорят, что много лет.

- А где он сейчас?

- Кто ж знает. Может на новое место перебрался. Здесь его давно нет.

- Зато здесь уютно и тепло.

- Нравится? - Удивленно спросил Сирий.

- Еще бы! Я тоже здесь хочу пожить.

- Маленькая еще.

- Когда вырасту... - Маша вдруг отошла в дальний темный угол, куда не доставал свет фонаря, присела на корточки и стала что-то гладить рукой, тихим шепотом говоря слова, которые Сирий не мог расслышать.

- Ты чего? - Спросил отец.

- Дедушку нашла. - Чуть громче сказала дочь.

Сирий вскочил с низких нар, больно ударился головой о каменный свод и, согнувшись, заглянул в темный угол, направив туда свет фонарика. Маша гладила рукой белоснежный камень, напоминавший голову человека, скорее даже череп.

- Это же камень. - Сказал отец.

- Пусть камень, - ответила дочь. - Матвей уснул и в камень превратился.

- Пусть, - согласился Сирий. - Нам бы сюда вещи перета-

щить, да очаг разжечь.

- Давай. - Маша быстро выбралась из пещеры, начала собирать и обламывать сухие веточки, складывая их у лаза.

Сирий недалеко от входа в пещеру нашел поленницу дров, только дерево уже превратилось в труху, и стало пристанищем для муравьев. Пришлось срубить небольшую сухую елку и добавить к Машиным дровам несколько поленьев посерьезней. Еду, подстилку и одеяло сняли с Лило. В этот день Сирий подсыпал лошади овса. А Сирко должен был прокормиться сам. Не домашней собачонкой был.

Отец опять забрался в пещеру, протаскивая за собой веревку. А дочь привязывала к ней вещи, дрова, и Сирий затащивал все внутрь.

- В двоим-то проще, - сказал отец дочери.

- А ты все меня брать с собой не хотел, - ответила Маша, уже пробравшаяся в пещеру. - Давай я огонь разведу.

- Разводи. Подсказать? - Спросил отец.

- Я сама.

- Давай. Я пока постель расстелю, еду достану. - Сирий занимался своими делами, но краем глаза все равно наблюдал за Машей и только удивлялся. Дочь правильно сложила дрова и развела огонь так, как будто делала это не в первый раз.

- Молодец, - похвалил отец. - За водой сбегает?

- Конечно. - Ответила дочь и с готовностью взяла котелок.

- Сирко с собойхвати, - крикнул в догонку Сирий.

Маша вернулась от источника с горящими глазами и полным котелком.

- Что там за ручей? - Спросил отец, сам он у него не был.
- Песенку поет, - ответила дочь.
- Это как? Журчит что ли?
- Говорит протяжно, длинно. - Маша объясняла словами, которые Сирый раньше от нее и не слышал. - И водичка сладкая.

- Холодная?
- Нет, нисколько. Я ножки в ней помыла.
- А Сирко? - Спросил отец.
- Лаял. - Маша засмеялась.
- Ругался что ли?
- Нет, радовался. Мы воду вместе пили.
- Это как?
- Я на берег легла и лицо в воду опустила, и Сирко рядом, только он языком лакал, брызгался и лаял. Весело было... А чем так вкусно пахнет?

- Картошку жарю с грибами.
- Давай я помешаю. - Маша взяла у отца деревянную ложку с длинной ручкой и начала мешать картошку на сковороде, стоящей на углях в очаге.

- Твои грибы, - похвалил отец.
- Белые. Солил?
- Нет еще.

Маша взяла со стола баночку, отвинтила крышку, и посо-

лила жареху, распространяющую вкусный. Когда картошка была готова, над очагом повесили котелок и добавили дров. Котелок зашумел, скоро должен был поспеть и чай, дорогой насобирали зверобоя.

Очаг еще догорал, а усталые путешественники уже легли спать. Сирий на нарах прижался спиной к стене и обнял дочурку, примостившуюся рядом. "Надо же какая, на глазах взрослеет," - подумал Сирий и уснул, правда хотел спать чуточку. Снаружи было тихо, лишь ухал филин и пофыркивала Лило. Но эти естественные звуки, особенно "угу" филина, пожалуй только подчеркивали тишину осеннего леса.

Как Сирий ни старался спать вполуха, уснул крепко. И ни его в этом была вина. А Маша тоже притихла, пригелась рядом с отцом, только спала плохо.

Снились ей осенний лес, Сирко с горящими глазами и добрый дедушка с белой бородой, в длинной белой рубахе, босой. А может это было и наяву.

- Маша, пойдем со мной. - Услышала девочка. И сказано это было голубыми добрыми глазами деда Матвея.

Маша осторожно выскользнула из под руки отца, выбралась из пещеры. У входа сидел верный Сирко с горящими глазами. Пес встал и побежал по тропке вниз к ручью. Маша поспешила за ним. Лило так и осталась спать стоя, не заметив беглецов.

Когда Маша спустилась к ручью, Сирко уже сидел на берегу и смотрел на белого дедушку, стоящего в воде. Это уже

был не дед Матвей, и стоял ли он в черноте, не обтекающей его ноги. Только по-прежнему вечностью тянуло от белого призрака.

Девочка и вечный дед

Сирко лег на берегу ручья, притих и прижал уши. И ручей вроде как перестал журчать, замер в темноте, слился с ней, растворился. Маша, добежав до воды, села на невысокий бережок, опустила ножки вниз и ничего не почувствовала. Словно не было ручья, только ножки покалывали приятные иголочки.

А над ручьем как колыхалось белое марево, словно ночной туман вдруг сгустился в одном месте и никак не мог решить, для чего он здесь, и что надо делать. Туман наконец обрел форму, сначала проявились улыбчивые, добрые глаза деда Матвея, а потом и весь добрый дедушка проявился с белой бородой, в длинной рубахе. Ног его не было видно, быть может ручей скрывал их.

Маша несколько не испугалась старика, опирающегося на суковатую деревянную палку скорее для вида. Матвей приблизился и погладил девочку легкой рукой по непослушным волосам, а потом поцеловал ее в самое темечко.

- Дедушка, ты живой? - Спросила Маша.
- Живой, - ответил старик.
- А в пещере не ты?
- Я и не я.
- Это как?
- Никак. - Глаза старика сверкнули огоньками. - Придет

время, поймешь.

- Мне в лесу нравится жить. - Маша говорила о том, что ей было близко.

- И я в лесу жил.

- Здесь хорошо, людей нет. - Девочка болтала ногами, словно они были и не в ледяной воде.

- Маму с папой любишь?

- Люблю.

- А других?

- Я всех люблю, и Сирко. - Маша погладила пса по голове, тот преданно ткнулся мокрым носом в ладонку девочки.

- Ну и хорошо. Любить надо всех.

- Недавно Прошка в меня камнем кинул и ведьмой назвал.

- Маша вдруг вспомнила случай с соседским мальчишкой.

- За котенка вступилась? - Матвей знал все.

- Да. - Маша несколько не удивилась словам старика. - Прошка котенка в тазик посадил, плавать отправил и камни начал кидать. Котенок утонул, Сирко его вытащил. А я взяла котенка в руки, погладила, он и ожил.

- Молодец.

- Прошка теперь боится меня. А мне и его жалко.

- Раз тебе его жалко, то и Прошка поймет - нельзя так.

- Прошка на меня издали смотрит. Я даже спиной чувствую, повернусь и рукой помашу.

- А он?

- Прячется.

- Ничего. Добро всегда победит. Он сам к тебе придет.

- А когда?

- Увидишь. Скоро уже. - Дед Матвей жил по своему, совсем другому времени.

- Мы бы тогда играли вместе. - Размечталась Маша.

- Завтра вы на заимку пойдете, - Матвей сказал это утвердительно и добавил, - там вас человек ждет.

- А кто? - спросила Маша.

- Твой отец его знает.

- Он ждет нас?

- Нет, не знает, когда придете.

- А он кто?

- Митрофан, меня заменил, на мое место пришел. Только молодой еще, долго ему ждать.

- Нас?

- Вы завтра у него будете.

- Ты загадки загадываешь? - Маша все хотела поймать взгляд Матвея, но у нее никак не получалось.

- Сейчас загадки, ответы после придут. - Матвей опять сверкнул глазами. - Домой не возвращайтесь, к пещере идите. Ворон тебя пропустит и Митрофана с отцом. Без тебя к золоту дороги нет.

- Золото? Что это? - Маша никогда не слышала такого слова.

- Проклятие людское. Его надо в бездну сбросить. Ты сможешь.

- Как?

- Не знаю. Не вижу дальше. Сама должна понять и сделать. Митрофан может и подскажет что. И твой отец в той пещере был и золото видел.

- Ты опять придешь?

- Чем дольше, тем я дальше... Не от меня зависит.

Потянуло сквозняком, туман заколебался, и дед начал отдаляться, таять, пока не осталась только светлая точка, но и она погасла. Маша оглянулась кругом, ночная темнота начала редеть: "Неужели ночь прошла?" Сирко вскочил, подтолкнул девочку и пошел по тропинке вверх, оглядываясь назад. Маша шла следом, ни о чем не думая. Много было для нее непонятного. Но с каждым днем обостряющееся чутье и открывающееся видение мира подсказывали - не думай, плыви по течению, тогда в свое время откроется следующее, и события произойдут нужные.

Маша проснулась в пещере одна, через узкий лаз проникал свет, и на очаге в котелке шумела вода. Отец уже встал и начал собираться в дорогу. А Маша еще полежала какое-то время, пытаясь собрать обрывки длинного ночного сна о добром Дедушке Матвее в одно целое. Не очень у ней получилось. Девочка встала, пробралась в дальний угол, погладила камень, похожий на череп, и поцеловала его.

Путь до заимки лежал вдоль ручья. Когда спустились к нему от пещеры по узкой расщелине, то остановились. Сирый был здесь первый раз.

- Говоришь вкусная? - Спросил отец у дочери и, не дожидаясь ответа, лег на берег и прикоснулся губами к поверхности воды. Пил не долго, затряс головой. - Ледяная! Как ты здесь ноги мыла?

- А я не чувствую холода. - Маша зачерпнула в пригоршню воды и умылась. - От нее тепло.

- Чудно! Что, идем?

- Сейчас. - Маша увидела палку, торчащую из воды, и вспомнила: "Вчера ее здесь не было." Девочка попробовала дотянуться до палки и не смогла, не хватило руки. - Пап, достань!

Сирый вполне мог дотянуться до палки, даже протянул руку, но тут же отдернул ее, - не моя палка. Она тебе нужна?

- Очень! - Маша вдруг вспомнила все детали ночного видения, они тут же соединились в единое целое. - А Как ее достать?

Сирый взял дочь на руки и дал ей возможность дотянуться до палки. Маша взялась рукой за палку, и та легко подалась, удобно легла в маленькую ладонь.

- Будет теперь у меня своя палка! - Маша повертела ей в воздухе, при этом движения руки были быстрыми, а очертания палки терялись.

- Посох! - Поправил Сирый.

- Как ты сказал?

- Посох, - повторил отец и добавил. - Это не просто палка. У меня был такой, да так и не дался до конца в руки. При-

шлось оставить.

- Это еще до меня было? - Маша разделила мир до себя и после.

- Как-нибудь расскажу свою болотную историю. Пойдем, пора. До темноты надо успеть.

Вдоль ручья ехать верхом было трудно. Сирко бежал впереди, выбирая собачьим чутьем самый удобный путь. За ним шел Сирий, ведя Лило в поводу. Последней шла Маша, опираясь на посох. Он был чуть выше ее роста, неровный, суковатый. Только место, где девочка держалась, словно специально было отполировано. Посох сам лег в руку и стал как бы ее продолжением.

На дневку останавливаться не стали, перекусили на ходу. А ручей скоро соединился еще с одним и превратился уже в речушку, не широкую, но местами с глубокими ямами. Идти вдоль берега было нелегко, приходилось обходить упавшие деревья. Сирко было проще всех. Он убегал вперед, потом недоуменно возвращался назад и ждал, пока хозяин найдет место, чтобы провести Лило. Маша уже шла сама по себе. Посох еще добавил ей сил.

- Никак дымом потянуло. - Сирий остановился и насторожился. - Не гости ли в нашей заимке?!

- Дед Митрофан, - тут же ответила Маша, а отец от удивления присел на поваленное дерево, не поверить дочери он не мог. Уж очень много странностей за последние два дня произошло с ее участием. Да и не все она договаривала.

- Он что, за пять лет не мог до нас дойти? - Похоже этот вопрос Сирий задал больше себе.

- Митрофан был у нас до моего рождения?

- Да, маму тогда я уже в больницу увез. - Сирий покачал головой, ничего не понимая. - Ну что ж, пойдем. Заждался дед наверное нас.

- Он нас не ждет. - Тут же ответила Маша.

- Это я так, к слову. - Сирий устал удивляться, поднялся с дерева и повел Лило за собой.

Речка в этом месте делала плавный поворот. Путешественникам открылась каменистая коса, по ней можно было легко пройти у самой кромки воды. Лес отступил, дальше на большой травянистой поляне у его опушки и стояла избушка, перешедшая когда-то Сирому в наследство от прежних мужей его жены Насты.

Избушка имела вполне обжитой вид, была уже и не избушкой. Митрофан за пят лет развел в этом месте целое хозяйство, обстроив домик с трех сторон. Только одно окно выходило в сторону реки. Поляна была выкошена, и в зиму сметаны несколько стожков. Из трубы заимки шел дым, топилась печка, его запах путешественники и почувствовали еще издали. На скамейке у дома сидел дед Митрофан и вскочил, увидя приближающихся к нему людей и животных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.